

ВЯЧЕСЛАВ КИКТЕНКО

ТЕТРАДКИ

Вячеслав Киктенко

Тетрадки

«Издательские решения»

Киктенко В.

Тетрадки / В. Киктенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517459-8

Сборник ранних стихотворений, сохранившихся в коленкорových тетрадках разных цветов и лет. Те стихи, что показались достойными на поздний взгляд, включены в эту книгу. Разделы, циклы книги так и называются — «Красная тетрадка», «Коричневая тетрадка», «Зелёная тетрадка». Книга о тех временах, когда...горела страсть, пылали росы,Какой цветник был огневой!А как лонообразно розыЗев разевали жадный свой!

ISBN 978-5-00-517459-8

© Киктенко В.
© Издательские решения

Содержание

Вячеслав Киктенко	6
Зелёная тетрадка	7
ПОСТОВОЙ	10
Красная тетрадка	18
Трамвай	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Тетрадки

Вячеслав Киктенко

© Вячеслав Киктенко, 2020

ISBN 978-5-0051-7459-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сборник ранних стихотворений, сохранившихся в коленкорových тетрадках разных цветов и лет. Те стихи, что показались достойными на поздний взгляд, включены в эту книгу. Разделы, циклы книги так и называются – «Красная тетрадки», «Коричневая тетрадка», «Зелёная тетрадка». Книга о тех временах, когда

**...горела страсть, пылали росы,
Какой цветник был огневой!
А как лонообразно розы
Зев разевали жадный свой!**

Вячеслав Киктенко

(8-499-164-02-69 – дом. 8-906-732-92-450 – моб.)

Жирным шрифтом выделены стихи, годные к публикации. (На мой, естественно, взгляд)

Тетрадки

(Стихи из разноцветных коленкорových тетрадок)

Зелёная тетрадка

Красная тетрадка

Коричневая тетрадка

Бежевая шершавая тетрадка

Белая тетрадка

1

Зелёная тетрадка

Месяц впился зубами в дубовый початок.
Плотно лист вырезной устилает газон.
Довершая возню звёздных пил и зубчаток,
Как печать, сядет жёлудь тяжёлый в назём.

Рылом роется месяц в дубовой капусте,
И хрустит, как свинья, над ничейным гумном,
И жируют кувшинные рыла без грусти,
В городах прорастая бумажным зерном.

Фонари разрывают чернильные сгустки,
Сёла дремлют во тьме, жгут огни города,
Рестораны сверкают, гремит лабуда,
Колдовски зажигаются женские блузки...

Золотое зерно прожигает звезда.

Что такое случилось со всею вселенной
Не расскажут нигде, и никто не поймёт
Почему красота стала пошлой и тленной,
А искус, как замена её – чистый мёд?..

Сказка чужая... весенней порою
Быть надо проще, и всё будет просто,
Кто-то обсыплет прутья махрою,
Кто-то склюёт первой зелени просо.

Кто-то, кто попросту радостен в марте,
Кто коготками щекочет по крыше...
Вздёрнув юбочнку, ты водишь по карте,
Встала на цыпочки, стала чуть выше.

Вот, покурила... а белый передничек
Выдал тебя рыжеватой подпалинкой.
Только не кукситься, не привередничать,
Ты ж ученица, ты же не маленькая!

Осень тебя обучала печальному,
Ты их тянула, науки невольничьи,
Ты у зимы проходила отчаянье,
А у весны поцелуи разбойничьи.

В карту котёнком беспомощным тычешься,
Молишь безмолвно – ну кто бы с подсказкою?

Школьница, дурочка, это отыщется!
Ты б отыскалась в судьбе моей...
Сказкою.

Взахлёб, сама!.. – Вот был поступок,
Событье! Помню, мёрзла ты,
Твой шарф был тонок, лёд был хрупок,
И жалок всхлип: «Все, все скоты!..»

Я глупо поддался обиде,
Забыв, что влагой станет лёд
И влага косточкой события
Взрастит недоуменья плод.

...под фонарём снежинка тает...
...в подъезде тает пальтецо...
А белый шарфик всё витает
И замечает мне лицо.

Бог с ним, с лицом, умоюсь снегом,
Твой номер наберу потом.
Скажу, что буду человеком.
А если хочешь, и скотом.

Кокон, бабочки, куколки нежные.
Как я мечтал разгадать тишину!
Голос был нежный, мечты белоснежные...

Куколкой голос свернётся ко сну.

Странно. Не страшно. Даже спокойно.
Радостно даже. Вот май. Вот июнь.
Осень. Зима. Снова май законный.
Кокон раскрыт... просто в крылышки дунь!..

Радиолы глазок тревожный
Всё стращал, что в распаде миры...
Мы домашний зубрили сложный.
Как сорвались в тартарары?

Как случилось, что вспыхнул уголь
В ледяных и строгих умах?
То ли света сместился угол
И шатнулось что-то впотьмах?

Смотрим в зеркало, в шифоньеры,

Ошарашены и наги,
То ль рехнувшиеся пионеры,
То ль узлы световой пурги.

А прикинув, смотреть не надо
На себя, как со стороны,
Прёт распад? Тормоза распада,
Были мы соединены!

Были мы... был огонь постельный,
А в окно холодка струя,
И – какая-то неподдельность,
Та, единственная неподдельность
И единственность
в самом деле
Пошатнувшегося бытия...

Могущество

Где горы стареют корявой короной,
Где моет ступни костяные в ручье
Тянь-шанская ель, громоздясь под корою,
А почва под нею вся в плотной хвое,
Где движется почва, качая могуче
Плечами, рвёт корни, скрипит, и с грехом
Кряхтя пополам, туча лезет на тучу,
И камень на камень ползёт подо мхом,
Где нем человек под трёхъярусным илом
Озона и елей, идущих наверх,
Где каждый твой атом пронзён хлорофиллом,
Где вдруг вспоминаешь – и ты человек...

ПОСТОВОЙ

Миражи на душном перекрёстке

Зачем так душен этот день,
Где фосфорична даже тень
Над шаткой мостовой,
Где полосатые круги
Вставляет в воздух от руки,
Прозрачный постовой?

Зачем бредовое тепло
Воздушным шаром вознесло
Над летом? Для чего
Над городом, почти мираж,
Реален только этот страж
И твёрдый жезл его?

Зачем? Затем, что – постовой,
И пост свой, даже сам не свой,
Шатаясь, держит он,
И всем, кто спятил от жары,
Кто рушит правила игры,
Он рыцарь и закон.

Затмение в Заилийском Алатау

Спят лобастые валуны,
Книг погасли глаза золотые,
И твои, отрешённо-пустые,
Светом сумрака напоены.
Дни затмения. Медленно, сонно
В горы двигаются табуны,
Так выносит ущербное солнце
Из-под тёмного круга луны.
Поднимают глаза табуны,
В небо смотрят без страха и боли,
И сверкают лучи из неволи,
Из унылого плена луны.
Оживают мои валуны,
Озирают спросонья долины,
И всё ржут, величаво-былинны,
Пересекши хребет, табуны.

Вновь глаза твои ждут новостей,
Вновь пронзают до мозга костей,
Вновь горят, изумрудны и длинны,
Жаждой плоти, жратвы и гостей...

Была скамейка, и была гитара,
И первая звезда всходила из-за гор.
Я молод был, и ты была не старой.
Всё было...
вспоминаю до сих пор
Гитару ту, что раздолбил в драке.
Скамейка развалилась. Я к другой
Ушёл, свистя беспечно. И во мраке
Сместилась карта неба, и такой
Настал покой, что я и сам не знаю
Что это было?.. Жизнь?.. Припоминаю...
Скамейка... непокой... и ты, и ты!

Немеркнущие, милые черты...

Сезоном управляли ветки,
Как метрономы, сделав так,
Что люди, как марионетки,
Им лишь подплясывали в такт.

Тем более, что раздвигалась
В такт солнцу и дождю листва,
И только ими сопрягалась,
И только тем была права.

Дожей меж туч косые грабли
В расчёсах голубея шли,
А мы работали и зябли,
И думали, что всё могли.

Ножами засекали метки
На термоядерном пути,
А миром управляли ветки,
Посевы, звёзды и дожди.

В горы

Нас в горы автобус уносит,
Бензином зарезав озон,
И пиков узорная просинь
На белом слепит горизонт,
И солнца хрусталик сейчас вот
Сверкнёт из-под тех облаков,
Где жил голубая сетчатка
И лютые бельма снегов.

Конь в траве,
Перепутавшей струны тугих сухожилий.
Дробный стук.
Нервный храп.
Полукрылье тонкой ноздри...
Встрепенётся на звук,
Чуткий мускул, зайдясь, задрожит ли,
Око высверкнет – белое солнце! —
Ты видел такое?
Смотри.

Голос крови...
Следы...
Точно ветром траву уложило...

...в детстве так: на зелёном сукне
В механизме копался,
Как вдруг —
Стук в окно!..
На коленке шарнира
Шевельнулась шальная пружина,
Подскочила, звеня,
И в лучах
Отсверкал по углам перестук...

По гребню бархана

Ракетницей чёрная даль осветилась,
И бабочка медленно в ней запорхала,
И вдруг – распустилась!..
И вдруг покатилась
По гребню бархана, по гребню бархана.

А утром её отмерцавшие крылья
Втоптали в песок сапогом беспощадным.
Мне снились следы сапогов тупорылых
На гребне песчаном, на гребне песчаном.

Я шёл на заданье, боясь оступиться,
Шатнуться на гребне, упасть бездыханно,
И вдруг покатиться, и вдруг покатиться
По склону бархана, по склону бархана.

Я выжил, я встал из песчаных заносов,
Сошлись мирозданья разбитые части.
Расплавилась гвозди сапог тупоносых
С подковками счастья, с подковками счастья.

Уже далеки эти сны и печали,
Столица рекламами благоуханна,
А память всё тянется в дальние дали
По гребню бархана, по гребню бархана...

Восточный мотив

Сидели два говоруна
В былые времена.

И первая звезда взошла,
И пятая звезда взошла,
И сотая звезда взошла,
И в тишине сгустилась мгла...

Взошла во мгле луна.

Не слышали говоруны
Высокой тишины,
Не видели говоруны
Ни звёзд несметных, ни луны,
Ни тишины...

Прошли века. И речи их
Почти уже темны.

Но солнце белое взошло,
Но стало им светлым-светло,
И соловей умолк.
Но слов не смолкнул перещёлк,
Поскольку был высок их толк,
Бессвязен и высок.

О Женщине была их речь.
И если их толкнуть, отвлечь —
Рассыпятся в песок.

Но имя Женщины хранит
Приятность их ланит,
И до тех пор, пока они
Проводят ночи так и дни,
Храни их, Господи, храни!..

И ведь хранит, хранит.

Гамма

От стен отделяется гамма
И тянет волокна к ногам,

И влажное слово Агава
Вплывает в соцветие гамм.

Трава золотых сновидений
Вплетает потерянный звук
В орнамент ползучих растений,
В тепло человеческих рук.

Из трав стебелёк выдвигая,
Несёт, тишину шевеля,
На кончике остром Агава
Тяжёлую гамму шмеля.

Мужает молча виноград.
Бледнеет, наливаясь кровью.
Что движет звёздами? Ты рад
Узнать без всякого условия?
Узнай. И посмотри спектакль:
На Древнем Храме не пентакль
Сомнительный, но вертоград
И свет послания во мгле,
Где речь про баснословный град
И руны, как огни в золе:

«Сфинкс засмеётся,
На земле
Иссякнет жизнь,
Когда узнаешь
Что движет звёздами...»

Пеняешь
На жизнь свою, на весь парад
Вопросов праздных, не любовью
Подвигнутых, но суесловью
Подверженных?

Огнём и кровью
Налившись, полон древней новью,
Мужает молча виноград.

Зёрнышко моё, ласточка,
Тёплоё моё пёрышко,
Я тебя люблю, лапушка,
Девочка моя, солнышко.

В память ветерком дунуло,
Как твоё лицо светится!

Я тебе пишу, думаю,
Как же нам с тобой встретиться?

Может быть, обнять ласково,
Прошептать слова старые,
Иль зацеловать глазоньки
Мокрые мои, карие?

Ты как рожь в степи, знойная,
Девочка моя, солнышко,
Заждалась меня, знаю я,
Колосок мой золотой, зёрнышко!..

Ты там одна. Наверно, молча плача
Мне пишешь письма. На диван присев,
Халат перелицовываешь. Платья
На животе не сходятся совсем.
Живое там взволнованно бунтует,
Толкается, а может быть, ворчит.
Ты форточку прихлопываешь – дует.
Ложись спать. Века идут. Стучит
Пульс на виске, и ждёшь, когда очнёшься,
На руки тельце тёплое возмёшь,
И грудь напоишь, и улыбнёшься,
И слёзы набежавшие смахнёшь...

...поверни изумруд на градус
Перевёрнутый кем-то во мраки —
Распахнётся такая радость,
Засверкают такие драки!..
Неужели никто не видел
Залежь молний, огней и гроз?
Видел, видел!..

Да ненавидел.

И завидовал —
Глупо, до слёз...

Зима. Морозный храм.
Кумир пустыни.
Не свергнут прежде.
Не сметён доньне.

Как тут светло, как тут белым-бело,
Как снегом всё и светом замело!

Не стёкла здесь, кристаллы зажжены,
А небеса звездой застеклены.
Тут разломилась ночь кристаллом льда
И расцвела Полярная звезда.

Вот мы пойдём к звезде, мы поглядим
Как этот храм людим, как нелюдим,
Там поглядим, как ясны небеса,
Какие там леса и голоса,
Увидим всех, кто, как и мы, во мгле
Когда-то шёл и падал на земле,
Кто слышал вьюгу и смотрел туда,
Где вставлена, как изумруд, звезда,
Кто видел храм, и думал о других,
Вослед идущих, даже не таких,
Но всё-таки идущих, пусть других,
Грядущих, но идущих вдаль, таких,
След в след родным идущих, дорогих...

«Ходил месяц раньше низко —

*Баба накрыла грязной тряпкой»
Из белорусских поверий*

Месяц низёхонько плыл, наливался,
Золотыми боками наглел и толкался,
Облака голубые
Растолкал, озверев,
И забыл всё на свете, совсем ожирев...

А навстречу – Заря
Через реки-моря,
А навстречу – Заря-Заряница.

Это было давно.
Время было темно.
И звезда засверкала —
Денница.

И влюбилась в звезду золотая,
Похотливая, немолодая,
Потучневшая в травах молочных
Луна...
Поплыла за звездой,
За сиянною, за молодой.

Молодилась луна,
Молоком наливалась луна,
Наливалась, тучнела, светлела она,

Поглупевшая в небе луна.

И влюблённый в Денницу-Звезду
Разгневанный бог-громовник
Снял забрало,
Горний выхватил меч,
Тяжким громом-огнём закалённый,
Горний меч-кладенец
Вынул бог-громовник,
И лицо золотое луны
Разрубил пополам...

Ибо – всем по делам,
По плодам – пополам!

И – на четверти перерубил!

И одной стороной почернела луна
И сокрылась из глаз...
Ну а сам
Месяц хитренький двинулся по небесам
Тонкий, бледненький – двинулся вспять.

И уже через месяц опять
Ярко-ярко сиял небесам:
Высоко-высоко,
Далеко-далеко...

Грязной тряпке добраться туда нелегко.

Красная тетрадка

Трамвай

То солнцем, то цветной водой шуруя,
Шёл дождь слепой, и шурилась трава...
К нам на подводных крыльях плыл трамвай,
Из колеи выплескивая струи.

И мы вошли. Прижались лбами к стёклам.
Как были пальцы ласковы твои,
Инициалы выводя потёком
Сквозь щели набегающей струи!

Но промокал добротный твой реглан,
Ненастных дней ветшающий регламент,
И наводили струи свой орнамент,
А буквы расплзались по углам,

Хрипел трамвай, он весь простужен был,
Искал в свой парк, в свою берлогу брода,
Скрипел, скирлы-скирлы, у поворота,
Хотя на крыльях струй, казалось, плыл.

Менту-лирику

С.Ф.

Ты жёлтой осой мотоцикла ужалишь
Дрожащую ночь, и луны цикламен
Распустит своё колдовство и, пожалуй,
На звёзды наколется твой мотоцикл.

Ты вытряхнешь их из сапог милицейских,
Прикуришь от мелкой кометы шальной,
Добьёшь свой бычок, и закинешь, не целясь,
Салют распустив по вселенной ночной.

Позаришь в углы меж созвездий на случай,
Шпану шуганёшь, что везде и всегда,
Украсишь погоны звездю колючей...
Хотя и падучая, всё же звезда.
Контрольная черта

С попутчицей расстанусь в переулке,
Шагну в подъезд, и тут же пропаду
В патроне лифта, будто дробь во втулке,

И – вверх, с железным свистом, в темноту.

На этаже нащупаю перила,
Сыщу балкон, на нём бокал дождя.
Пригублю, осознав чуть погода,
Чем с нами падла-осень говорила...

Но вот в проёме зданий столб зари
Вползёт, дробясь по градусам деленья,
И вспыхнет, словно лопнет изнутри,
И облака раздвинутся, аляя.....

.....
Седьмой этаж. Контрольная черта.
Стекло налилось светом аварийным.
И нежно отдаётся краснота
Кварталам серокаменным, серийным.

Пока земля ещё вмещается
Сапфиром в часики небесные,
Пока в земле ещё сгущается
Зерно сквозь огоньки чудесные,
Пока земля чревата семенем
И умирающими зёрнами,
Пока мы все чреваты временем,
Ростками памяти отборными,
Смерть не страшна. Неясной силою
Земля, напряжив корешки
И выгнав травы над могилою,
Крестом сшивает узелки...

Рябиновая ночь

Какая ночь! Гром разворчался всласть.
Квадратная коробка светофора
Каменьями боярского притвора
С прищёлкиваньем полно налилась.
Рябиновая ночь. Ворчанье, тьма.
Над трассою зарниц перебеганье,
Машин кишенье, свары, кутерьма,
И чёрных рычагов передвиганье
Над городом...

Какая ночь? Весьма
Зловещая. Недаром же прозвание
«Воронья», «воробьиная», а ранью
Рябиновой рассветная тесьма
Рябит, как будто крови зазыванье...

Пыльный луч. Опрозраченный воздух.
Поворот ветерка на оси.
Дуб в скупых, выпадающих звёздах,
В грузной качке угрюмой осы...

В жёлтой пляске весёлой осы!

Свет сухой так прозрачен в июне,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.